

Сирота с Манхэттена. Огни Бродвея

1899 г. Элизабет Дюкен вместе с женихом Ричардом отправляется в Нью-Йорк. Девушка пытается забыть о том, что сотворил с ней собственный дед, властный Гуго Ларош. Элизабет хочет вернуться к чете Вулвортов — своим приемным родителям и единственным людям, которые любили девушку, как родную дочь. Но во время путешествия через Атлантику страшный шторм забирает жизнь Ричарда. Вновь оставшись одна, убитая горем Элизабет ищет покоя и защиты в доме приемных родителей. Сердце девушки рвется от терзаний. Ведь, пытаясь сбросить путы прошлого, она оборвала связь с Жюстеном, беззаветно дарившим ей свою любовь. Он нужен ей, как никогда прежде. Хватит ли Элизабет сил и храбрости, чтобы вновь обрести надежду?

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Сирота

с Манхэйттена
Они Бродвея

MARIE- BERNADETTE DUPUY

*L'orpheline de
Manhattan*

*Les lumières
de Broadway*

Roman

CALMANN
LÉVY

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Сирота

с Манхэттена
Они Бродвея

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8701-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Публикується при содействии “Lester Literary Agency&Associates”

Переведено по изданию:

Dupuy, M.-B. Les lumières de Broadway. L’Orpheline de Manhattan : Roman / Marie-Bernadette
Dupuy. — Paris, Calmann-Lévy 2019. — 528 p.

Перевод с французского *Наталии Чистюхиной*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

1899 р. Елізабет Дюкен разом із нареченим Річардом вирушає до Нью-Йорка. Дівчина намагається забути про те, що зробив із нею власний дід, владний Гуго Ларош. Елізабет хоче повернутися до подружжя Вульортів — своїх прийомних батьків і єдиних людей, які любили дівчину, як рідну дочку. Але під час подорожі через Атлантику страшний шторм забирає життя Річарда. Знову залишившись одна, вбита горем Елізабет шукає спокою і захисту. Серце дівчини рветься від терзань. Адже, намагаючись скинути пута минулого, вона обірвала зв'язок із Жюстеном, який беззавітно дарував їй своє кохання. Він потрібен їй, як ніколи раніше. Чи стане Елізабет сил і хоробрості, щоб знову віднайти надію?

Дюпюи М.-Б.

Д95 Сирота с Манхэттена. Огни Бродвея : роман / Мари-Бернадетт Дюпюи ; пер. с фр.
Н. Чистюхиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 544 с.

ISBN 978-617-12-8597-2

ISBN 978-2-7021-6187-6 (фр.)

1899 г. Элизабет Дюкен вместе с женихом Ричардом отправляется в Нью-Йорк. Девушка пытается забыть о том, что сотворил с ней собственный дед, властный Гуго Ларош. Элизабет хочет вернуться к чете Вулвортов — своим приемным родителям и единственным людям, которые любили девушку, как родную дочь. Но во время путешествия через Атлантику страшный шторм забирает жизнь Ричарда. Вновь оставшись одна, убитая горем Элизабет ищет покоя и защиты. Сердце девушки рвется от терзаний. Ведь, пытаясь сбросить путы прошлого, она оборвала связь с Жюстеном, беззаветно дарившим ей свою любовь. Он нужен ей, как никогда прежде. Хватит ли Элизабет сил и храбрости, чтобы вновь обрести надежду?

УДК 821.133.1(71)

© Calmann-Lévy, 2019

© DepositPhotos.com / MillaFedotova, olly18, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2021

К читателю

Дорогие друзья!

Книги выходят в свет, и я всегда рада адресовать вам эти несколько строк в качестве преамбулы к знакомству с новым романом. Сегодня я предлагаю вам новую встречу с Элизабет, судьба которой разыгрывается между Францией и Нью-Йорком.

Как я уже упоминала, в этот огромный город, ставший почти легендарным, я влюбилась с первого взгляда и очень увлеклась изучением его истории.

Во времена, когда моя героиня проживала в Дакота-билдинг и прогуливалась в Сентрал-парке, урбанистический пейзаж разительно отличался от нынешнего: так, первые небоскребы появились в городе в двадцатых годах XX столетия.

Но в этом-то и заключается магия книги — перенести нас в прошлое с его особенной атмосферой, событиями и впечатлениями, игрой уже нашей фантазии воскресить забытые места.

Как всегда, отдаю дань уважения мужеству женщин перед лицом тяжких испытаний, их преданности.

Приятного чтения!

Искренне ваша,

A handwritten signature in black ink, reading "Marie-Germaine Dupuy". The signature is written in a cursive, flowing style with a prominent flourish at the end.

Париж, среда, 14 июня 1899 года

Толпа на мосту Пон-Неф собралась за считанные секунды. Кто-то из молоденьких пансионеров в одинаковых форменных платьицах, стоявших тут же, на мосту, вскрикнул от ужаса.

— Женщина бросилась в речку! Женщина бросилась в речку! — раз за разом выкрикивал, тараща глаза, маленький разносчик газет. — Там! Я сам видел!

— Боже, вот горе! Перелезла через перила и прыгнула! — подхватил, дрожа от волнения, какой-то старик.

Два букиниста в серых блузах, растолкав других зевак, перегнулись через парапет и теперь вглядывались в бурные воды Сены.

Май выдался дождливым, и вода стояла высоко. Качались на волне пришвартованные чуть ниже по течению лодки, а мимо как раз проходила вереница барж.

На крики столпившихся на мосту горожан прибежали двое жандармов и тоже стали смотреть на серую беспокойную воду.

— Господи, какой ужас! — воскликнула дама в годах, размахивая зонтиком. — Опять самоубийство! Как в прошлое воскресенье на мосту Мирабо!

К взбудораженной толпе приблизился молодой мужчина. Высокий, в светлом костюме — на такого невольно обратишь внимание... Он обошел стайку пансионеров, с удивлением отметив про себя, что некоторые девушки горько плачут.

— Я тоже видела, как она летела в воду! — всхлипнула одна, миниатюрная блондинка. — Мы только подходили к мосту, но я видела! И это было жутко!

— И, наверное, сразу захлебнулась! — прибавила ее подружка, вытирая слезы.

Заинтригованный Ричард Джонсон остановился и тут же встретился взглядом с обеспокоенным жандармом, который как раз обернулся.

— Что случилось? — спросил у него молодой человек, чей легкий акцент выдавал в нем англосакса.

— Какая-то горемыка покончила с собой, мсье. Считай, на глазах у этих вот девчонок! — отвечал жандарм. — Река сегодня быстрая, так что ее наверняка сразу утянуло вниз по течению.

Американец на мгновение задумался, потом бросил испуганный взгляд на воду. Вот уже полчаса как он разыскивал свою невесту Элизабет. Еще миг — и кровь застыла у него в жилах. Он готов был поверить в худшее.

— Простите, а может кто-нибудь описать мне эту женщину? — спросил он прерывающимся от волнения голосом.

Старик вскинул сухонькую руку, привлекая к себе его внимание.

— Молодая, миловидная, в желтом платье. Волосы очень красивые, каштановые. Чулки у нее были белые, туфельки — черные, блестящие, — стал он перечислять. — Чулочки я заметил, когда она, бедняжка, взобралась на парапет. Если б только я мог ей помешать...

Старик умолк, увидев, как его собеседник переменялся в лице. В гнетущей тишине все следили за реакцией красивого незнакомца.

— Вы только что описали мне Лисбет, — в страхе сказал он. — Нет, только не это! Только не Лисбет!

Он подбежал к каменному парапету, схватился за него и стал смотреть вниз. Казалось, еще немного — и он тоже прыгнет. Жандарм крепкой рукой оттащил его назад.

— Но почему? — простонал молодой человек.

Монахиня, сопровождавшая девушек-пансионерок, грустным голосом подтвердила показания старика относительно внешности несчастной, после чего перекрестилась.

Ричард к этому моменту едва стоял на ногах. Он, как зачарованный, смотрел на реку и шептал:

— Лисбет вышла из дома полчаса тому назад. Она была в желтом платье, черных лаковых туфельках и белых чулках, совсем новых. И да, у нее длинные каштановые волосы. В субботу утром мы должны были пожениться... *Oh my God!*¹

Он пошатнулся, дыхание оборвалось. Все его мечты о счастье рухнули. Женщина, которую он любил, Элизабет Дюкен, его обожаемая Лисбет, утопилась в этот прекрасный июньский день, под ярким солнцем, золотящим парижские крыши! Сомнений не оставалось. Она решила умереть, а он — он ничегошеньки не понимал...

Когда воды Сены сомкнулись над нею, у Элизабет появилось странное ощущение — она словно бы раздвоилась. Плавать она не

умела, и, едва отойдя от шока, вызванного погружением, рефлекторно попыталась вдохнуть. Холодная вода моментально попала в рот, оттуда — в дыхательные пути.

Она словно бы видела себя со стороны — как та, другая Элизабет, борется с ужасным удушьем, колотит руками и ногами, пытается бороться с уносившим ее быстрым течением, — и никак не может выплыть. Скоро сознание начало меркнуть, и она сдалась. Перед глазами замелькали картинки из ее еще такой короткой жизни.

Вот она на палубе парохода «Шампань», и медведь танцует под звуки бубна... Вот мама, Катрин, мастерит ей из носовых платков куклу... Вот папа, Гийом, улыбается и берет ее на руки, чтобы поцеловать... А вот она на катке в Сентрал-парке — светится от счастья, потому что Ричард ее обнимает...

Последняя мысль Элизабет была о том, чьей женой она собиралась стать — и уже никогда не станет. Теперь вокруг были только мрак и холод. Глаза у нее были открыты, но не видели ничего, кроме темноты. Не почувствовала она и прикосновения чьих-то пальцев, стиснувших ей запястья. И даже когда ее мучения кончились, еще несколько минут она не воспринимала тревожных голосов двух лодочников, стоявших возле нее на коленях.

Наконец слабая боль в груди привела Элизабет в чувство. Она закашлялась, и ее тут же перевернули на бок, чтобы она могла исторгнуть из себя воду. Свет был таким слепящим, что Элизабет зажмурилась.

— Слава Богу! — послышался женский голос. — Лазар, радость моя, ты ее спас! Спас эту бедняжку! Пусть поставит за тебя свечку в церкви, да побольше. Сам иди переоденься, а потом выпей стаканчик фруктовой водки! Заслужил!

Паренек лет пятнадцати, мокрый хоть выжимай, радостно кивнул. Он еще не отдышался после только что совершенного подвига.

Элизабет снова закашлялась. Выплюнула еще немного воды, ощущая, как солнце пригревает ноги.

— Это ж надо — хотеть умереть в ее годы! — пробормотал мужчина, у которого тоже сбилось дыхание от усердия, с каким он пытался удалить воду из легких девушки.

— И что нам теперь делать, Ненесс?² — спросила у него жена.

— Для начала пусть очухается, — постановил мужчина. — Сейчас помогу ей сесть. А ты принеси одеяло и чашку кофе, Иоланда.

Лазар, их племянник, не раздумывая прыгнул в Сену, едва заметив в метре от лодки — тяжелой барки, оснащенной и паровым двигателем, и парусом, который сейчас был спущен, — желтое платье и разметавшиеся по воде волосы.

До Элизабет, бережно поддерживаемой лодочником, стало понемногу доходить, что ее спасли. Но для ее смятенного сознания это означало лишь одно: все начнется сначала. Стыд, угрызения совести, сожаления, а в особенности — этот мерзкий, мучительный страх.

— Зря вы это сделали, — пробормотала она со слезами на глазах. — Не нужно было меня спасать.

— Что? Не надо было вытаскивать вас из воды? — сварливо отозвался Нестор Дюрье, которого близкие именовали Ненесс. — Зато ниже по реке найдут одним трупом меньше!

Едва слышно проговорив «вы правы», молодая женщина попыталась встать, но у нее на это не хватило сил.

— Все пропало! — тихо и словно бы с удивлением пробормотала она.

А ведь казалось, что это простейший способ избавиться наконец от моральных терзаний, с некоторых пор отравлявших ей жизнь... Просто вышла из дома и побежала к Сене, не замечая ничего вокруг — ни погожего дня, ни красочных прилавков на тротуарах — и не думая о горе, которое причинит Бонни, своим родным и Вулвортам, ждущих ее в Нью-Йорке.

Дальше — просто: забраться на каменный парапет моста Пон-Неф, прыгнуть... Элизабет содрогнулась, вспоминая мучительную сцену, имевшую место в квартире на улице Мазарини, где они жили уже несколько недель — Бонни, дядя Жан и они с Ричардом.

«Зачем он затеял скандал? Разозлился, сказал, что больше не может ждать, что наша свадьба назначена на субботу, а значит, у меня нет причин с ним не спать», — думала она.

Элизабет снова явственно ощутила большие руки Ричарда у себя на груди, между ног — он подстерег ее в момент, когда молодая женщина приводила себя в порядок. И если она еще как-то терпела поцелуи, проявления нежности, то допустить его до своего оскверненного тела,

вне всяких сомнений носившего в себе плод этой скверны, — нет, об этом невыносимо было даже думать.

— Вот, выпейте, и сразу полегчает!

Она приняла из рук Иоланды Дюрье чашку кофе, и от привычного запаха на душе посветлело. Элизабет отпила горячего кофе и почувствовала, как ей на плечи опускается толстое одеяло.

— Спасибо, мадам, — сказала она, сделав еще глоток.

Потом с усилием подняла голову и широко открыла глаза. Супруги Дюрье невольно поразились небесной голубизне этих глаз и читавшемуся в них глубочайшему отчаянию. Прядка каштановых волос упала на лоб девушки, ничуть при этом не испортив утонченной красоты ее лица.

— Клянусь святым Николаем³, вы — красавица! — воскликнула Иоланда. — Если ухажер вас бросил, он редкостный болван!

— Да помолчи ты! — одернул ее муж, пожимая плечами. — Причалим к набережной Конти и передадим ее жандармам. Может, дашь ей во что переодеться? А вы, мамзель, крепитесь! Сейчас жена отведет вас в каюту.

Нестор Дюрье энергично вскочил на ноги, наклонился, обхватил Элизабет за талию и заставил тоже встать. Его супруга с тревогой наблюдала за происходящим.

— Ты бы с ней поосторожнее, Ненесс, — посоветовала она.

Несостоявшаяся утопленница пошатнулась, жалкая в мокром платье из желтого шелка, облежавшего ее чудесную фигуру. Чтобы не упасть, ей пришлось ухватиться за руку лодочника.

— Она поранилась! — вскричала в испуге Иоланда. — Ей надо в больницу и поскорее!

На деревянном настиле барки, в том месте, где только что лежала Элизабет, темнела красная лужица.

— Господи, спасибо, спасибо! — обрадовалась молодая женщина, как зачарованная глядя на кровь.

И с этими словами — крик души, ни больше ни меньше, — она беззвучно заплакала, а на лице ее отразилось безмерное облегчение.

Ричард Джонсон сидел, прислонившись спиной к парапету моста Пон-Неф. Его в буквальном смысле не держали ноги. Бледный, с искаженным страданием лицом, он не замечал ничего вокруг.

Жестокая утрата — вот единственное, о чем он мог думать. Перед глазами стояла драгоценная Лисбет, какой он впервые ее увидел. Вот она спускается с карусели в Централ-парке, и на ее ярких розовых губках сияет счастливая, совсем еще детская улыбка... Она сразила его своей красотой, ясным взглядом голубых глаз, своей танцующей походкой.

Жандармы между тем все еще наблюдали за рекой, усеянной множеством лодок. Пансионерок увели, зеваки тоже разбрелись. Остался только старик, с сочувствием поглядывавший на горящего парня. Он даже попытался его утешить, но американец словно не слышал его. Удар судьбы оказался слишком силен, и у него ни на что не было сил — даже чтобы утопиться самому.

— А может, мсье, все-таки это была не она? — неожиданно вскричал Ричард, обращаясь к старику. — На той девушке точно было желтое платье и черные лаковые туфли? И она была шатенка, вы уверены?

— Да, все как вы говорите, — с сожалением глядя на него, ответил старик. — Красивая молодая девушка. Вот горе!

Ричард с трудом сдержался, чтобы не заплакать. С чем он вернется на улицу Мазарини? Когда он бросился вслед за Элизабет, Бонни не было дома, но теперь она вернулась и наверняка тревожится, не зная, где они. Сердце словно тисками сжало при мысли, что придется сообщить ужасное известие женщине, которая последние двенадцать лет была для Элизабет верной наперсницей и подругой! Что до ее дяди Жана, то он нашел работу в парижском торговом квартале Лез-Аль и вернется только вечером.

— Все, ухожу!

Ричард Джонсон резко вскочил на ноги. Он все еще был очень бледен. Но тут старший по званию жандарм счел нужным его расспросить. Молодой человек был вынужден назвать свое имя, имя невесты и адрес проживания. Жандарм завершил разговор так, что у Ричарда в груди похолодело:

— Тело непременно выловят ниже по течению, мистер Джонсон, хотя, думаю, не очень скоро. Завтра или послезавтра, а может, и через неделю. Вас вызовут на опознание, вдруг это и правда мадемуазель Дюкен.

Ричард кивнул, чувствуя, как в висках стучит кровь. Ему было так плохо, что он не сразу уловил смысл сказанного другим жандармом. А тот как раз указывал на моторное судно, причалившее в непривычном месте — у набережной Конти.

— Аджюдан⁴, мы не видели эту лодку, потому что ее загоразивала стрелка острова Сите и деревья на площади Вер-Галан! Кажется, они вытащили кого-то из воды. Женщину!

Ричард, у которого немилосердно шумело в ушах и к горлу подкатывала тошнота, как раз повернулся, намереваясь уйти. Услышав это, он замер. Это была отчаянная, но все-таки надежда.

В больнице Л'Опиталь-де-ла-Шаритэ, час спустя

Элизабет, в длинной белой ночной сорочке, приятно пахнущей мылом, лежала на узкой больничной кровати и... чувствовала себя совершенно счастливой. Приступообразную боль внизу живота она приняла как благословение. Седовласая медсестра подошла поправить у нее на груди одеяло, которое молодая женщина терзала пальцами.

— Постарайтесь лежать спокойно, мадемуазель, — посоветовала она доброжелательно и в то же время строго. — Ваше счастье, что вас так быстро спасли. А могли бы и задохнуться. Течением вас вынесло к барке, и, благодарение Богу, хороший пловец вас вытащил.

На все это молодая женщина отвечала тихо и смущенно: «Да, да, я знаю». Она не вполне еще осознала всю серьезность своего отчаянного поступка, но ни о чем не жалела, потому что чудо случилось.

«Будь у меня силы, я бы закричала от радости, увидев кровь в лодке! И когда заболел живот, тоже!» — думала она. Сейчас у Элизабет было одно желание: увидеть свою ненаглядную Бонни и чтобы та ее обняла. «Расскажу ей правду. Больше не могу молчать, — размышляла молодая женщина, радуясь, что осталась жива. — Ричард тоже должен знать. Даже если потом не захочет на мне жениться».

Слева и напротив были еще кровати, еще пациенты. Стоны, хриплый шепот... Элизабет им искренне сопереживала, ведь те, другие, мучились от телесных недугов, а она хотела покончить с собой из-за моральных терзаний, ставших невыносимыми.

«Завтра же, если отпустят из больницы, пойду исповедуюсь! — решила она. — Нужно будет еще дать денег этим славным людям и их племяннику, ведь им пришлось нанять фиакр, чтобы отвезти меня в больницу. Но как? Они собирались сразу отплыть, они сами так сказали».

Элизабет снова нервно затеребила одеяло. Если семья Дюрье и правда продолжит путь, она не сможет с ними расплатиться!

Опять подошла медсестра, и вид у нее был суровый.

— Мадемуазель, прошу, не надо волноваться. Мы уже послали человека по указанному вами адресу. Ждать осталось недолго.

— Да, да, простите! Но я сейчас думаю о тех, кто меня спас. Я даже не успела их как следует поблагодарить.

Это изящное, бледное лицо, этот умоляющий взгляд голубых глаз... Медсестра растрогалась. Погладила Элизабет по влажному лбу, улыбнулась, поправила мокрый еще завиток каштановых волос.

— Кажется, я знаю, о чем вы думаете, — прошептала молодая женщина, прислушавшись к своей интуиции.

— Неужели?

— Со мной это случилось из-за того, что я прыгнула в реку, до этого ничего такого я с собой не делала. Я бы никогда не осмелилась сделать то, о чем вы думаете. Мне просто было очень-очень плохо.

— Если это по вине мужчины, моя хорошая, то вы — не первая и — увы! — не последняя, — отвечала медсестра тоже шепотом. — И не надо оправдываться: доктор, осмотревший вас сразу после поступления, сказал, что вы точно не беременны. А теперь отдыхайте!

С минуту Элизабет лежала зажмурившись, потом радостно улыбнулась.

«Если так, я все забуду! — пообещала она себе. — Теперь можно ехать. Я снова буду с *ма* и *па* в Нью-Йорке, и все опять будет хорошо!»

Мысли ее обратились к Мейбл и Эдварду Вулвортам. Как бы они огорчились, узнав о ее гибели! И могло ли быть по-другому? Вулворты десять лет опекали Элизабет и заботились о ней.

«Мои родители по зову сердца! Любимые и любящие!»

Звук стремительных, тяжелых шагов заставил ее вздрогнуть.

К кровати быстро подошел мужчина. Ричард! Разгоряченный ходьбой, с блестящими от слез янтарными глазами, в купленном к свадьбе бежевом льняном костюме.

— Лисбет! — прошептал он. — Лисбет! Это правда ты! Меня к тебе не пускали. Заставили ждать в коридоре.

Он словно бы прибавил в росте, и его черные волнистые волосы чуть растрепались.

— Если этот господин вам докучает, скажите! — вмешалась медсестра. — Вы ведь просили прийти даму, вашу подругу Бонни.

— Это мой жених, он мне совсем не докучает, — заверила ее Элизабет.

— Тогда ладно.

Чтобы было удобнее разговаривать, Ричард опустился на колени у кровати, даже не глянув на стул для посетителей. Своими теплыми ладонями он накрыл руки Элизабет, маленькие и холодные.

— Ты плакал? — удивилась она.

— Милая, я думал, тебя больше нет! И тоже хотел умереть. Лисбет, почему?

Ей никогда не доводилось видеть его таким потерянным. Расчувствовавшись, Элизабет залилась умиротворяющими слезами, с которыми исторгался яд, неделями отравлявший ей душу.

— Ричард, прости! Ты уже знаешь, что я сделала?

— Знаю. Я пошел к мосту Пон-Неф, рассчитывая тебя догнать, ты ведь часто ходишь в сад Тюильри. И там, на мосту, была толпа. Мне рассказали, что молодая женщина в желтом платье бросилась в реку. Я чуть с ума не сошел, чуть не прыгнул следом! Жандармы стали меня спрашивать, а потом один из них и говорит: мол, вон там, ниже по течению, лодочники только что вытащили из воды женщину. Никогда еще я так быстро не бегал. Но все равно не успел: твои спасители на фиакре повезли тебя в Л'Опиталь-де-ла-Шаритэ⁵. Мне все это рассказал лодочник. Жандармы остались его допрашивать, а я побежал сюда. Меня оставили ждать в коридоре, но потом терпение мое лопнуло. Наконец-то я тебя вижу, живой и невредимой, и ты со мной разговариваешь, ты на меня смотришь! Лисбет, это такое счастье!

Ричард поцеловал молодую женщину в щеку. Ему хотелось обнять Элизабет, прижать к груди. Однако он не осмелился — слишком много посторонних: больные, медсестры, монахиня... Элизабет же с ужасом осознавала, какому потрясению он подвергся по ее милости.

— Прости меня! — снова сказала она. — Зато теперь мы можем жить счастливо. Если ты все еще хочешь взять меня в жены, после всего, что из-за меня пережил, — всех моих недомолвок, холодности... Ричард, пожалуйста, попроси, чтобы задернули занавески, я должна кое в чем тебе признаться. Тогда ты поймешь, почему я хотела умереть.

Медсестра, занимавшаяся своими делами неподалеку, задернула плотные льняные занавески на металлическом карнизе, обрамлявшем кровать по периметру. Элизабет и Ричарду стало намного комфортнее, потому что теперь на них никто не глазел.

— Милая моя, я всего лишь хочу понять...

— Тогда придвинься поближе! Да, еще ближе, чтобы никто не услышал. Я должна признаться в чем-то ужасном.

Она жалобно улыбнулась, и Ричард нежно сжал ее руки, желая приободрить. Внутренний голос сказал Элизабет: «Пора!» А может, у нее просто не было другого выхода.

Перед глазами замелькали картинки, яркие и четкие — как они бежали из замка Гервиль несколькими неделями ранее. Вот галопом несется экипаж по брусчатой дороге вдоль реки Шаранты... Тополя так и мелькают за окном... Вот они уже на железнодорожном вокзале. Она, Элизабет, просит у кассира билеты до Парижа, и Бонни обнимает ее за плечи...

«Бонни, милая, ты наверняка обо всем догадалась!» — промелькнула мысль у Элизабет.

Ричард между тем поглаживал ее по щеке. Молодая женщина была бледна, но это ничуть ее не портило. Даже такая — дрожащая, испуганная — она лучилась чувственностью.

Редко ему приходилось видеть такую красоту — деликатную, без намека на пошлость. Он невольно залюбовался ее ярко-розовыми губами, пухлыми, изящного рисунка и невероятно соблазнительными.

Элизабет набрала в грудь побольше воздуха и выдала одной тирадой:

— Дед меня изнасиловал. На чердаке в башне, пока Бонни лежала без сознания. Я тоже лишилась чувств — от страха, боли и отвращения. Это было страшно, Ричард. Эта жестокость, это перекошенное лицо, которое я видела даже в темноте. Убежать я не смогла. Все произошло, как в моих самых жутких кошмарах. А я-то думала, что достаточно сильна, чтобы обмануть судьбу! И не сумела.

— Что? Ты уверена? — едва слышно прошептал мужчина. Услышанное его потрясло.

— Да, я уверена. Когда я пришла в себя, его уже не было, а потом прибежал ты. У меня не хватило духу рассказать тебе правду. Я чувствовала себя оскверненной, не могла смотреть на свое тело без отвращения. И так — каждый божий день.

— И ты молчала, ничего мне не говорила? — вскричал Ричард.

— Тише, бога ради! — взмолилась молодая женщина слабым, дрожащим голосом. — Мне так хотелось забыть, что случилось тем вечером! Но не получалось. Ведь было еще кое-что... Как тебе это

объяснить? Я боялась, что забеременела от этого... от этого ужасного человека. Нет, это был не страх, это был ужас — вот подходящее слово. Я не видела выхода и держала все это в себе. Даже Бонни не знала, что меня мучит.

— Бонни не знала? Ты даже ей не доверилась? Странно, ведь она одергивала меня каждый раз, когда я стучал в твою спальню, просила оставить тебя в покое.

В голосе Ричарда, желал он того или нет, прозвучало раздражение. Элизабет всхлипнула, вспоминая те ужасные дни, когда она изнывала от страха, предполагая, что носит под сердцем дитя от своего собственного деда.

— Мне было так плохо, что я не могла есть, поэтому я почти не вставала с кровати и сказала больно́й. Да я и была больно́й — перед глазами постоянно стояла эта мучительная сцена... При том, что однажды я все это уже видела — в моем кошмарном сне.

— Что ты несешь? — Ричард не ожидал от себя такой жесткости. — Только что говорила о судьбе, которую не сумела обмануть, теперь — этот сон. Ты что же, во сне видела, как он тебя насилует?

— Да, это чистая правда. Я никому не рассказывала, потому что боялась. Ну, что ты посчитаешь меня сумасшедшей или фантазеркой. Так ты назвал ту цыганку возле собора Нотр-Дам, когда она предложила тебе погадать по руке. Ричард, я говорю совершенно серьезно: мне часто снятся страшные сны, которые потом сбываются.

— Элизабет, не надо менять тему разговора, прошу! — прервал ее мужчина. — Если этот мерзкий извращенец посмел надругаться над тобой, зачем было убегать? Почему ты нам ничего не сказала? У меня есть право знать, и у твоих родственников Дюкенов тоже. Донесли бы на Лароша в полицию! Ты получила письмо от кузины Анны-Мари в начале мая, ты мне сама рассказывала. Она писала, что Ларош вернулся в замок и преспокойно зажил своей обычной жизнью. Подумала ли ты, что все может повториться, что он может сделать с другими женщинами то же, что с тобой? Лучшее, что я сейчас могу сделать, — это прыгнуть в поезд, добраться до Гервиля и свернуть ему шею.

— Даже если бы мы на него заявили, это бы ни к чему не привело. Ларош бы все отрицал, а в округе его уважают — столько семей

работает у него на виноградниках! Проще вычеркнуть его из памяти и из своей жизни, — сказала Элизабет.

— Ты не сможешь!

— Уверена, что смогу, Ричард. Доктор осмотрел меня, и я не беременна. Для меня это — ни с чем не сравнимое облегчение. Словно гора с плеч упала. Теперь я могу подумать о будущем, о нашем с тобой будущем.

— Но ведь ты же могла умереть, и тогда не было бы никакого будущего, причем для нас обоих! — произнес он не без горечи. — Долгие годы я бы терзался вопросом, почему ты это сделала. Да что там, я уже чувствовал себя виноватым во всем, упрекал себя, что дурно с тобой обращался, хотя теперь знаю, кто настоящий виновник!

Элизабет печально посмотрела на жениха:

— Ричард, пожалуйста, послушай меня! Я сожалею о своем поступке. Слава Господу, меня спасли, и я безмерно благодарна этому юноше, который вытащил меня из реки. Это знак судьбы, я уверена.

Она умолкла, с грустью глядя на ожесточившееся лицо суженого, который, похоже, с трудом сдерживал гнев.

— Сегодня утром у меня совсем опустились руки, — продолжала молодая женщина. — Для себя я решила: все расскажу тебе до свадьбы, но никак не получалось. Я выбежала из дома и, как только увидела Сену, уже будучи на мосту Пон-Неф, подумала: может, покончить со всем этим прямо сейчас?

— Что ж, этому я могу поверить, — вздохнул Ричард. — Это намного проще, чем открыться своему будущему мужу, идиоту, который скрипя зубами сносил твои отказы, уважительно относился к этому. Я убеждал себя, что причина этого твое целомудрие, ведь Бонни и твой дядя Жан живут с нами. Ан нет, ты скрывала от меня эту мерзость! Может, и замуж за меня вышла бы, так ничего и не сказав? Прости, но мне надо пройтись, подышать воздухом!

Он встал, сжав кулаки. Быстрым движением откинул занавеску и ушел.

— Ричард! — тихо позвала Элизабет. — Вернись!

Она ждала его возвращения пару мгновений, а потом в отчаянии закрыла глаза. В таком состоянии ее и увидела Бонни минут через десять — тоненькая фигурка на кровати, волосы растрепаны, глаза закрыты.

— Милая моя девочка! — вскричала гувернантка.

Знакомый голос, проникнутый почти материнской нежностью, вырвал молодую женщину из дремы. Она протянула посетительнице руку:

— Бонни, наконец ты пришла!

То был настоящий крик души. Едва не плача, Бонни присела у изголовья кровати — как много лет тому назад, одним осенним вечером в Нью-Йорке.

Нью-Йорк, Дакота-билдинг, в тот же день

Стоя у широко раскрытого окна своей спальни, Мейбл Вулворт смотрела, как встает солнце. Свежий рассветный воздух пьянил, зрелище, открывавшееся взору, было восхитительным. Тончайшая игра света на бледно-голубом небе, подсвеченные розовым облака...

— Птицы поют, встречают новый день, — тихо проговорила она. — Эдвард, ну когда она придет? У меня нет сил больше ждать. Я хочу обнять свою Лисбет, расцеловать!

— Дорогая, еще немного терпения! — отвечал супруг, потягиваясь на кровати. — Телеграмма, в которой она сообщит о приезде, может прийти в любой момент — сегодня утром или вечером. Все, что нужно, я сделал, и Лисбет подтвердила получение денег, которые я переслал для оплаты проезда четырех пассажиров. Насколько я понял, Бонни и ее будущий муж от моего содействия отказались. Предпочли купить билеты в третий класс за свои деньги.

Эдвард встал и подошел к жене. Мейбл была в ночной рубашке из розового шелка. Бретелька сползла с одного плеча, и он прикоснулся губами к теплой коже у нее на спине.

— Мы отказались от поездки во Францию, о чем я не жалею. Тем более что Лисбет обещала отплыть первым же пароходом, — добавила она. — Но они все еще в Париже и редко дают о себе знать. Происходит что-то странное, Скарлетт в этом уверена.

Негоциант поморщился при одном упоминании этого имени. Влияние соседки по дому, Скарлетт Тернер, помешанной на всем паранормальном, на Мейбл росло, и Эдвард уже начал по этому поводу беспокоиться.

— Откуда она может это знать? — произнес он с легким раздражением. — Сказали карты Таро? Или, может, она купила себе магический хрустальный шар?

— Эдвард, только не надо издевок! Я серьезно. Не знаю, что бы я делала без Скарлетт в прошлом году, когда Лисбет от нас уехала.

— Прости, дорогая. Ты стала такой чувствительной, впрочем, как все матери мира.

С этими нежными словами он развернул жену к себе лицом. С раздумывавшимся от волнения лицом в обрамлении медно-рыжих кудряшек она была очаровательна. С мечтательным видом он провел

пальцами от плеча к грудям и вниз, к округлому бедру. Мейбл не утратила ни своей миниатюрности, ни живости нрава, ни грации.

— Ты — все та же девчонка, много лет назад поймавшая меня в свои сети, Мейбл. Неотразимая прелестница, которую я люблю всем сердцем с той секунды, когда наши взгляды встретились.

— Лъстец! Мне недавно исполнилось сорок три, и в прошлую субботу, за ужином, Перл долго рассматривала меня, как чудного зверя в зоопарке, а потом посоветовала крем от морщин. Безжалостная у тебя племянница!

Эдвард закрыл ей рот поцелуем. Приласкал, в свою очередь любуясь бегущими над городом облаками. С улицы наверх, к окну, у которого супруги так и остались стоять обнявшись, доносилась какофония звуков: призывные крики торговцев газетами, стук копыт по мостовой, лошадиное ржание, а временами и сигналы клаксонов, потому что автомобилей в городе прибывало. Фоном всему этому служил гул отдаленных людских голосов.

— Нашей Лисбет грозит опасность! — внезапно заявила Мейбл, как только муж позволил ей вдохнуть. — Скарлетт столько раз говорила! Карты позавчера выпали очень, очень плохие.

Но муж только пожал плечами, а потом изобразил озадаченность:

— С чего бы? Ее опекают Бонни и дядя Жан, не говоря уже о Ричарде Джонсоне. Дорогая, ты зря себя изводишь. И сколько бы ты ни называла меня материалистом, скажу еще раз: все мы в опасности, каждый день своей жизни. Такое и я могу напроорочить, даже без помощи карт.

— А если этот мерзкий человек, Ларош, что-то предпримет? — вскричала Мейбл. — Человек, способный натравить бандитов на собственного зятя, лгать своей внучке! Он мог приехать в Париж, и, поскольку Лисбет до сих пор официально под его опекой, забрать ее и увезти в шато де Гервиль.

— Нет, Мейбл, он не посмеет! Так что хватит волноваться. Кстати, я ведь не ошибся в оценке этого индивидуума, хотя наблюдал за Ларошем с приличного расстояния, когда он приезжал в Нью-Йорк. Помнишь, я сразу тебе сказал: это человек холодный, замкнутый.

— Конечно помню, — согласилась супруга. — Слава Богу, что мы не отдали ему Лисбет! Ей тогда было всего шесть. Утешает то, что с нами она была счастлива. Боже, пусть она поскорее приедет!

Когда от Элизабет пришло первое письмо с парижским штампом, Вулвортам было от чего встревожиться. В общих чертах она описала прошлые злодеяния деда и что ей пришлось сбежать от него в столицу в сопровождении Бонни, Жана Дюкена и Ричарда, своего жениха.

С изумлением и ужасом они узнали, какую роль сыграл Гуго Ларош в исчезновении багажа Дюкенов по их прибытии в морской порт Гавра. Еще Элизабет объяснила, как нашлись доказательства, что дед организовал убийство своего зятя, Гийома Дюкена.

Но о самом страшном Элизабет предпочла умолчать. Поэтому Мейбл с мужем скорее обрадовались этому грустному стечению обстоятельств, которое вот-вот вернет им обожаемую Элизабет. Они очень любили ее — дитя, которое подарила им судьба, ведь своих детей у них не было. А еще в ее письме была фраза: «Первым же пароходом поплыву в Нью-Йорк». С тех пор они считали дни в ожидании ее приезда.

Париж, Л'Опиталь-де-ла-Шаритэ, в тот же день, в тот же час

Сидя на краешке кровати, Бонни нежно обнимала все еще дрожавшую от волнения Элизабет. Молодая женщина только что слабым, детским голосом поделилась с ней своим ужасным секретом.

— Я так и знала, — прошептала гувернантка. — С самой первой минуты, но решила ни о чем тебя не расспрашивать. Хотя, пожалуй, стоило. Тебе бы не пришлось столько времени молча страдать, и сегодня ты чуть не умерла.

— Ничего, зато теперь мне легче. Вы с Ричардом должны знать правду. Бонни, что бы ни случилось, я ни о чем не жалею.

— Ты намекаешь на то, как повел себя Ричард? Негоже было оставлять тебя одну в такой момент, даже если он рассердился.

— Он счел это предательством с моей стороны, и его трудно в этом упрекнуть. Если он разорвет помолвку, я не обижусь. Бонни, я очень хочу домой. Я хорошо себя чувствую, так зачем мне оставаться в больнице?

— Пойду и поговорю об этом с медсестрой, которая тебя опекает. Я предусмотрительно захватила с собой комплект нижнего белья и твое платье. Господи, когда мне сказали, что ты в больнице и едва не утонула, у меня чуть сердце не остановилось! Из больницы прислали мальчика-посыльного, и он мне все рассказал.

— Бонни, прости меня!

Элизабет прижалась головой к плечу подруги. Вот уже несколько недель как Бонни перестала говорить ей «вы», и благодарить за это нужно было Жана Дюкена.

— Элизабет, мы — одна семья, и скоро Бонни станет твоей свойственницей. И уже сейчас она тебе не прислуга. Мне странно и даже неприятно слышать, что она говорит тебе «вы»! — заявил он одним майским вечером, через неделю после отъезда из Гервиля, уже в новом жилище, где они поселились 30 апреля.

Это была пятикомнатная квартира на четвертом этаже старого дома на улице Мазарини, в квартале Сен-Жермен-де-Пре — четыре крохотные спальни, столовая и узкая кухонька, с окном во внутренний двор.

— Я решила, что так будет лучше для всех, Бонни, — внезапно сказала Элизабет. — Я просто не могла уехать в Нью-Йорк в таком состоянии, я была сама не своя. А потом оказалось, что у меня задержка — ну, ты понимаешь, — и земля окончательно ушла у меня из-под ног. И еще одно: я тайком от тебя, предосторожности ради, продала драгоценности моей бабушки Аделы и те, что мне подарили, тоже.

Бонни отметила про себя, что Элизабет предпочла умолчать о дарителе, каковым был, разумеется, Гуго Ларош.

— Для меня это — проклятые деньги, но нам они очень пригодились. И тебе не пришлось идти работать, — с мрачным видом подытожила молодая женщина.

— В нашем положении разумнее, чтобы я заботилась о тебе, как это было всегда. Скоро все забудется и ты снова будешь радоваться жизни, — стала уговаривать ее Бонни. — С Вулвортами тебе будет хорошо, так что сейчас главное — поскорее уехать. Хоть бы так и случилось! Я опасаясь, как бы Жан, узнав о чудовищном злодеянии Лароша, не отложил отъезд и не поехал с ним поквитаться.

— Ты права, Бонни, но только сама я дяде ничего рассказывать не хочу, стыдно. Сделаешь это за меня, да? И пожалуйста, постарайся убедить его не ехать в Гервиль. Я хочу уехать и все забыть. Масса преступлений этого толка остаются безнаказанными! — Элизабет вздохнула. — Некоторые мужчины пользуются тем, что сила на их стороне, и совесть их потом не мучит.

— Если б ты только знала, как ты сейчас права! — воскликнула Бонни. — Видно, пришло время тебе об этом рассказать. Элизабет, последние несколько месяцев у меня был серьезный повод беспокоиться за тебя. Я, конечно, нарушаю обещание, но это трагическая история, и ты должна ее знать. Если бы я сделала это раньше, может, ты давно нашла бы в себе силы рассказать мне правду.

— Трагическая история?

— Помнишь малышку Жермен? Гуго Ларош изнасиловал и ее. Она мне все рассказала в тот день, когда я пошла в местечко навестить ее в родительском доме. Я беспокоилась за нее, ведь бедняжку уволили, как и меня. Как она плакала! Это чудовище в человеческом обличье откупило от нее золотым луидором! Девушка планировала

перебраться жить в Пуатье, к старшему брату. И больше всего боялась, что о ее бесчестье могут узнать родители.

— Боже мой!

Из груди Элизабет вырвался крик, и она спрятала лицо в ладонях. Но она не плакала, она размышляла, и с каждой секундой решимость молодой женщины только крепла.

«Больше никогда я не склоню голову от стыда, никогда не буду думать о смерти, это малодушие, за свое счастье нужно сражаться. И своих женских слабостей стесняться тоже не стану! — сказала она себе. — Я ощущала себя оскверненной, униженной, обреченной — но почему?»

— Почему? — спросила она вслух, глядя на Бонни своими большими голубыми глазами. — Почему я прыгнула в реку, рискуя умереть и заставить горевать всех, кто меня любит, а Гуго Ларош с гордо поднятой головой вернулся в поместье, где он — уважаемый человек? Хорошо, что тетушка с дочкой последовали моему совету и уехали подальше от него, на Ривьеру, на следующее же утро после его возвращения. Если верить Анне-Мари, он даже не стал с ними разговаривать.

Бонни со вздохом кивнула. Доброжелательная мадам Клотильда, младшая сестра Лароша, и ее дочь Анна-Мари, гостившие в шато де Гервиль в апреле, были ей очень симпатичны.

— Им тоже невдомек, что со мной случилось на чердаке, — продолжала Элизабет срывающимся голосом. — Мы с Анной-Мари переписываемся, и я продолжаю ей врать, что Мейбл и Эдвард в Париже, с нами. Письма я из осторожности получаю «до востребования». Сейчас я ничего не могу им рассказать, но когда мы приедем в Нью-Йорк, я напишу и открою про деда всю правду. Если бы только я могла отомстить за Жермен, а заодно и за себя! Но этот день придет, я знаю точно. Бедная маленькая Жермен, такая веселая, такая милая! Разве могла я подумать...

Глаза Элизабет сверкнули ненавистью, но Бонни этого не заметила. Она прислушивалась к разговору медсестер в другом конце палаты.

— Кажется, у них там что-то случилось, — проговорила она. — Пойду посмотрю, а заодно спрошу, когда тебя отпустят домой.

— Хорошо, иди.

Оставшись одна в ограниченном занавесками пространстве, отчего освещение получалось мягким, приглушенным, Элизабет сложила ладошки и стала молиться. Она взывала не к Богу, справедливому и доброму, а к таинственным силам, которые правят иным миром, столь же таинственным.

«О вы, по чьей воле я вижу пророческие сны, которые так часто меня пугают! Дайте мне силы вернуться однажды в Шаранту, на землю моих предков, и искупить преступления, совершенные этим нравственным уродом, отцом моей любимой мамочки! Она смогла от него спастись, я — нет. Но уничтожить меня он не сможет, я больше никогда не буду жертвой, клянусь!»

Перекреститься она не осмелилась, сознавая, что молитва не совсем христианского толка. Однако это не помешало Элизабет ощутить, как ее душу наполняет новая, прежде неизведанная сила. Только побывав в шаге от смерти, она смогла возродиться, после стольких горестей и испытаний.

[1](#) Боже мой! (англ.) (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

[2](#) Уменьшит. от Нестор.

[3](#) Покровитель мореплавателей. (Примеч. автора.)

[4](#) Старшее унтер-офицерское звание.

[5](#) Больница основана в XVII столетии и ранее именовалась «Больница братьев-госпитальеров ордена Святого Иоанна Божьего». Закрыта и разрушена в 1935 г. Располагалась в непосредственной близости к набережным Малаке и Конти. (Примеч. автора.)

Париж, в доме на улице Мазарини, на следующий день, в четверг, 15 июня 1899 года

Элизабет сидела у окна в своей спальне и смотрела на помолвочное колечко — сапфир в окружении бриллиантов, в оправе из серебра. Его подарил ей Ричард в октябре прошлого года. По этому случаю в замке Гервиль звучали смех и музыка, а сама она вальсировала в платье из розовой тафты, в свете огромной хрустальной люстры.

— И с дедом мы тоже танцевали, — едва слышно промолвила она.

Мысли ее вернулись к Жермен, робкой служанке с круглыми щечками и добрым, доверчивым взглядом. Молодая женщина тяжело вздохнула.

«По словам Бонни, это случилось в августе. А через несколько дней Ларош застал нас с Ричардом в Монтиньяке, в доме моих родителей. Я была полуголая, — с волнением вспоминала она. — Нет, не надо больше об этом думать! Надо забыть!»

Час назад они приехали из больницы Шаритэ. Этой ночью Элизабет хорошо выспалась, и ничего страшного ей не снилось. Бонни забрала ее на фиакре и, пока они ехали домой, сообщила с озабоченным видом, что Ричард не вернулся на улицу Мазарини ни вчера вечером, ни этим утром.

— Но все его вещи дома, и чемоданы тоже.

— Он вернется, Бонни. Хотя бы за одеждой и личными вещами.

Близился полдень, и Элизабет уже начала сомневаться в своих прогнозах, тревожиться. Что, если Ричард исполнил свою угрозу? Она представила, как он является к Гуго Ларошу ради торжества справедливости.

От этих мрачных мыслей ее отвлекла Бонни. Она вошла в комнату — в кухонном фартуке, с полотенцем в руке и натянутой улыбкой на кукольном личике.

— Моя крошка, обед готов! Ты такая бледная, надо тебя как следует подкормить.

— Мне кусок в горло не полезет, пока не узнаю, что с Ричардом. Где его носит? Не мог же он уехать, не попрощавшись!

— Скажу больше: очень дурно с его стороны было вот так взять и уйти от тебя в больнице! — буркнула подруга.

— Может, сел на поезд, как грозился, и сейчас уже в Шаранте? Если он все расскажет дяде Пьеру и дедушке Туану, вместе они могут совершить непоправимое.

— Этого еще не хватало! Господь с тобой, Элизабет, ты меня пугаешь.

Женщины обменялись встревоженными взглядами. Запах гари вернул Бонни к реальности.

— Ну вот, мои говяжьи медальоны⁶ сгорели! — всполошилась она и бросилась в кухню.

Элизабет посеменила за ней. Живот у нее все еще побаливал, но она этому только радовалась. Бонни жалобно причитала над дымящей чугунной сковородой:

— Вот беда! После всех этих тревог у меня ничего в голове не держится!

— Бонни, это такие мелочи! Лучше поговорим о другом. У вас уже был разговор с дядей Жаном?

— Да, вчера вечером.

— И как он отреагировал?

— Конечно разозлился, разволновался. И ночью я слышала, как он ворочается тут, в кухне, на своей постели. Я не выдержала и пришла к нему. Как могла, утешала. Мало-помалу он успокоился. Не бойся, Жан и словом не обмолвится о том, что с тобой случилось. Как ты хочешь, так и будет.

— Вот и хорошо! Спасибо, Бонни. Погоди-ка, кто-то поднимается по лестнице! Только бы это был Ричард!

Обе наострили ушки, затаили дыхание, но шаги оборвались не на их площадке, а этажом выше.

— Соседи, — вздохнула Элизабет. — Господи, где же Ричард?

Этим вопросом молодая женщина задавалась еще долго, до самых сумерек. Лежа в кровати, она время от времени целовала свое помолвочное кольцо. И ждала, ждала, ждала...

— Я же его люблю, люблю по-настоящему! — шептала она. — И я его лишилась, как когда-то родителей, а потом — Жюстена.

Впервые за много месяцев Элизабет осмелилась вспомнить об этом юноше, замковом конюхе. Он уехал из дому, узнав, что мать, прислуга в доме Ларошей, зачала его от хозяина, то есть он, Жюстен, —

побочный сын помещика, плод адюльтера, случившегося в чердачной каморке, каких в замке было множество.

Белокурые волосы, нежный взгляд черных глаз, ласковая улыбка, делавшая его совершенно неотразимым... Элизабет быстро достала из-под подушки маленького оловянного солдата.

— Я берегла тебя все эти годы, — проговорила она.

За это время игрушка, солдат с барабаном, сильно потускнела, краски стерлись.

— Жюстен сказал, ты будешь меня защищать. Только ничего у тебя не получилось...

Внезапно Элизабет снова стало очень грустно, и она закрыла глаза. Когда-то она была влюблена в Жюстена и он ее тоже обожал.

— Разве мог ты перебороть судьбу? — продолжала она едва слышным шепотом. — И нам с Жюстеном пришлось расстаться. Не могла же я выйти за сводного брата собственной матери! Грустная ирония судьбы!

Она невольно затаила дыхание — на лестничной площадке разговаривали мужчины! Еще мгновение — и радостно, с облегчением вскрикнула Бонни, а потом и позвала ее:

— Элизабет! Они пришли! Жан привел Ричарда!

Молодая женщина встала, дрожа от радости. В комнате было сумрачно, и когда дверь распахнулась, в просвете вырисовался силуэт ее суженого.

— Лисбет, прости! Прости, милая! Я повел себя как дурак.

Он протянул к ней руки, и Элизабет бросилась к нему на шею. Они порывисто обнялись, не замечая ничего и никого вокруг.

Несколько минут спустя Бонни вернула их с небес на землю, пригласив всех к столу.

— Если тебе не трудно, принеси еду сюда на подносе, — попросила Элизабет. — Нам надо побыть вдвоем.

— Воркуйте, голубки! А я пока покормлю своего Жана, — шутливо отозвалась Бонни.

— Жан намного терпеливей и покладистой меня, — признал Ричард.

— Святая правда! Он принял мои условия, и мы поженимся уже в Нью-Йорке. Когда люди любят друг друга, время значения не имеет.

С этими словами Бонни вышла и закрыла за собой дверь. Элизабет зажгла керосиновую лампу, своим золотистым светом озарившую

скромную обстановку комнаты.

— Где ты все это время был, Ричард? — спросила она наконец, присаживаясь на край кровати. — Я дома с самого утра, но весь вчерашний день в больнице я ждала, что ты вернешься. Понимаешь ли ты, как мне было тревожно? Я перебрала тысячу вариантов, один страшнее другого.

Американец уселся в единственное в комнате кресло, лицом к ней. Элизабет отметила про себя, что бежевый льняной костюм сильно измят, внизу штанин — пятна грязи. Ворот белой рубашки был расстегнут.

— Вид у меня непрезентабельный, знаю, — вынужден был признать он. — Шляпу я потерял, галстук забыл в каком-то бистро. Лисбет, мне правда очень жаль, что я так разозлился и ушел. Но, может, так было нужно, потому что сейчас я смотрю на ситуацию другими глазами. И я раскаялся, за что надо благодарить священника церкви Сен-Сюльпис.

— Ты, который так далек от религии? — изумилась молодая женщина.

— Так, как в детстве, я, конечно, в Бога не верю, но многие обращаются к Нему в минуты, когда помощи больше ждать не от кого. И вчера это был как раз такой случай. Я несколько часов бродил по городу, чтобы успокоиться, пока не понял, что стою на вокзале Аустерлиц и смотрю расписание поездов в Ангулем. Причину ты понимаешь?

— Конечно.

— Но я никуда не поехал. Я сильно перенервничал, я устал, и твое лицо стояло перед глазами. Такой я оставил тебя в больнице — бледную, несчастную. И тогда я вернулся к мосту Пон-Неф и понял, сколько тебе пришлось выстрадать после нашего отъезда из Гервиля. И заплакал, хотя это, как ты знаешь, со мной случается крайне редко.

— Ричард, ты весь дрожишь! Ты проголодался и устал, не надо больше разговоров! Ты со мной, и это самое главное.

— Нет, я хочу, чтобы ты знала все. Я уже шел по набережной домой, на улицу Мазарини, когда мне повстречалась женщина. Одета она была несколько странно, но в руках она несла твое желтое платье! Кажется, еще мокрое. С ней был парень лет пятнадцати, и у него были твои лаковые туфли. Я бросился к ним.

— Хвала Господу! Ты повстречал Лазара, моего спасителя! Ричард, я так рада, так рада! Ты, конечно же, возместил им потраченное на фиакр?

— Мы немного поговорили, на повышенных тонах, и я дал немного денег парню, в благодарность за его геройство. Эти лодочники — люди гордые. Слышала бы ты, как Иоланда Дюрье (она назвала свое имя) меня отчитывала! Я почувствовал себя ничтожеством, чтобы не сказать хуже.

Ричард умолк. Лицо у него было усталое, осунувшееся, глаза блестели от волнения. Но Элизабет он показался еще более красивым, чем обычно, — сейчас, когда всегдашняя невозмутимость и высокомерие дали трещину. В дверь постучала Бонни.

— Вот, принесла вам овощного супу и по порции омлета каждому! — объявила она. — Приятного аппетита!

Также на подносе оказался нарезанный хлеб и графин с водой и все, что было нужно из столовых приборов.

— Спасибо, Бонни, вы — ангел. Ангел-хранитель нашей Лисбет! — сказал Ричард.

Польщенная женщина удалилась, радуясь, что и они с Жаном смогут пообедать тет-а-тет. Элизабет заметила на покрывале, по центру кровати, оловянного солдатика. Быстро накрыла его ладонью, а потом и спрятала под подушку. Ричард, который как раз нюхал ароматный суп, ничего не заметил.

— Нет, не буду есть, пока не расскажу тебе все до конца, — упрямо сказал он.

— Тогда говори скорее, а то остынет, — поддразнила его Элизабет.

К Элизабет неожиданно вернулись вся ее беззаботность и веселость. Ричард посмотрел на нее с удивлением.

— Ты тоже переменялась, — заметил он. — Такая же красивая, но во взгляде нет этой тоски, как у затравленного зверя. Для меня это огромное облегчение. Так о чем это я? Мы остановились на том, что, по милости Иоланды Дюрье, я ощутил себя абсолютным ничтожеством. Она строго наказала получше о тебе заботиться, когда я объяснил, что ты моя невеста. И я обещал. Потом мы с ее сыном пожали друг другу руки.

— Лазар — ее племянник, а не сын.

— Какая разница! Они как раз шли в больницу, отдать твоё красивое платье и обувь медперсоналу и забрать ту одежду, в которой тебя доставили.

— Да, монахиня мне рассказала, что это она занималась обменом одежды. Только я ей отдала то жёлтое платье, я даже видеть его не хочу, не то что надевать! Жаль, что Иоланда с Лазаром не зашли меня навестить.

— Наверное, очень спешили отплыть в Конфлан⁷, — предположил Ричард. — Но вернусь к рассказу. Я уже не злился, наоборот, мне было стыдно, и меня мучили угрызения совести. Сам не знаю как, но я оказался на площади Сен-Сюльпис. Увидел церковь, и мне почему-то захотелось войти. У алтаря стоял священник — как будто меня ждал. Знаю, это звучит глупо!

— Что ты, вовсе нет! — заверила Элизабет, беря его за руку.

— Он улыбнулся мне. Я присел на скамью, и святой отец подошел. Не знаю почему, но я все ему рассказал. Все, Лисбет, с нашего с тобой знакомства. Это была исповедь, и я раскрыл ему твой секрет, и твоё отчаяние, причины которого я якобы не понимал. Но я притворялся. В глубине души у меня был страх. Я заподозрил правду ещё в тот вечер, когда мы уехали в Париж, но не хотел верить. Даже думать об этом было страшно.

— О том, что со мной произошло?

— Да. Что этот мерзавец, твой дед, мог совершить такую гнусность. Я отрицал очевидное, вынудив тебя столько времени терзаться в одиночку. Но теперь все будет по-другому. Я сумею тебя утешить, защитить. Если, конечно, ты ко мне вернешься, если ты правда этого хочешь. Лисбет, ты выйдешь за меня? Обещаю, я ничего не буду от тебя требовать, пусть даже пройдет много месяцев. Лишь бы ты была рядом, чтобы я мог тобой любоваться, баловать тебя и доказывать свою любовь.

Ричард перевел дух от волнения. Наклонился и осыпал пальчики Элизабет поцелуями.

— Я не передумала, я хочу стать твоей женой, — мягко отвечала она. — Потому что люблю тебя. И я тоже сумею тебе это доказать. Но сейчас я хочу поговорить с тобой о своих снах, или, вернее будет сказать, кошмарах. Я пыталась там, в больнице, но ты не захотел слушать.

— Теперь я весь внимание, — серьезно сказал он.

Элизабет в деталях, не упуская ничего, поведала ему о странном феномене, сопровождавшем ее с детства, благодаря чему она догадывалась о инцестуальных порывах своего деда.

— Это пугает, и в это с трудом верится, — заявил Ричард по окончании рассказа. — Я вот чего не пойму: если так, почему ты не сбежала сразу, когда увидела это во сне, почему ждала, пока кошмар не станет реальностью? Твердила, что не надо волноваться, что опасаться тебе нечего. Если бы ты сразу мне все рассказала, я бы не дал этому зверю к тебе прикоснуться!

Элизабет не сразу нашлась с ответом. Подумав немного, она эмоционально воскликнула:

— Я не знаю почему, Ричард! Может, я сама не хотела в это верить, хотя раньше мои кошмары всегда сбывались. Что-то, что сильнее здравого смысла, удерживало меня в Гервиле. Думаю, это мамочка так хотела. Она направляла меня, я часто ощущала ее присутствие рядом. И вот доказательство: я узнала всю правду про деда, найдя те чемоданы и жуткие записки. За это пришлось дорого заплатить, увы!

— Мать не могла потребовать от тебя такой жертвы! — возмутился мужчина. — В итоге ты чуть не умерла! Элизабет, прошу, с сегодняшнего дня рассказывай мне, если тебе снова будут сниться кошмары. Ничего от меня не скрывай. Я хочу разделить с тобой это бремя, и бремя очень тяжелое.

— Спасибо, Ричард!

Он схватил ее за руки и был тут же вознагражден чудесной улыбкой, обещавшей лучезарное будущее.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ